

Розділ 5

АКТУАЛЬНА СОЦІАЛЬНО-ГУМАНІТАРНА ПРОБЛЕМАТИКА

УДК 316.473

Городяненко В. Г.

СОЦІАЛЬНА ПАМ'ЯТЬ ЯК ІНСТРУМЕНТ ІДЕОЛОГІЧНОГО ВПЛИВУ

У статті розглядається ставлення та актуальність дослідження проблеми соціальної пам'яті у предметній просторі соціальної рефлексії. Показано, що феномен соціальної пам'яті онтологічно вписан в соціальну реальність і найбільш чітко виявляється в період соціокультурних криз. Відзначається, що використання соціальної пам'яті спроможне впливати на формування свідомості та ідентифікацію людей. Дається аналіз можливих ризиків, пов'язаних з використанням соціальної пам'яті у політичній та ідеологічній боротьбі.

Ключові слова: соціальна пам'ять, колективна пам'ять, соціальна амнезія, публічна пам'ять, ідентифікація, ідеологічне маніпулювання, історична пам'ять, соціальне мовчання.

В статье рассматривается постановка и актуальность исследования проблемы социальной памяти в предметном пространстве социальной рефлексии. Показано, что феномен социальной памяти онтологически вписан в социальную реальность и наиболее отчетливо проявляется в период социокультурных кризисов. Отмечается, что использование социальной памяти способно влиять на формирование сознания и идентификацию людей. Дается анализ возможных рисков, связанных с использованием социальной памяти в политической и идеологической борьбе.

Ключевые слова: социальная память, коллективная память, социальная амнезия, публичная память, идентификация, идеологическое манипулирование, историческая память, социальное молчание.

The article deals with position and research topicality of problem of social memory in subject area of social reflection. The author shows that phenomenon of social memory is ontologically written in social area and becomes apparent the most clearly in the period of social and cultural crises. It has been marked that the usage of social memory can influence on formation of consciousness and people's identification. Possible risks, connected with the usage of social memory in political and ideological conflicts have been also analyzed.

Key words: social memory, collective memory, social amnesia, public memory, identification, ideological manipulation, historical memory, social silence.

Интерес к исследованию феномена социальной памяти обусловлен рядом взаимодополняющих обстоятельств. Память выступает транслятором ценностно-смысловых характеристик культуры от одного поколения к другому, определяет многомерность и многоуровневость культуры. Социальная память может способствовать ускорению одних социальных процессов и, в то же время, тормозить или блокировать другие. Нередко проявляется и защитная социальная амнезия – устранение из памяти травмирующих событий прошлого.

Являясь фундаментальным элементом различных социальных связей, социальная память оказывает влияние на развитие индивида и общности. Формируя социальную типологию личности и социальных групп через их взаимодействие, она оказывает решающее влияние на различные социальные феномены коллективности: семью, нацию, этнос, народ и т. д. Наконец, актуальность изучения социальной памяти обусловлена современным кризисным состоянием украинского общества, в котором наблюдаются разрыв вековых связей, пересмотр исторических событий, отрыв от корней, забвение традиционных ценностей и морали. По мнению отдельных ученых, мы сейчас живем в эпоху памяти специфической, манипулятивной, искусственной, в которую активно вмешиваются определенные политики, средства массовой информации и даже государство, в силу чего она становится инструментом для политических и исторических манипуляций.

Современные исследователи социальную память определяют как совокупность социокультурных средств, осуществляющих отбор и преобразование актуальной общественной информации в информацию о прошлом с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению.

Основателем же теории социальной памяти считается французский социолог и антрополог Морис Хальбвакс, который считал, что «воспоминания» конструируются социальными группами. Запоминают, в физическом смысле, индивиды, но именно групповые ценности в конечном итоге обуславливают критерии «достопамятного» и причинно-следственные взаимосвязи между событиями. По мнению Хальбвакса, социальные группы «помнят» в большей мере как раз те события и факты, которые не связаны непосредственно с социальным опытом группы [1].

Необходимо также отметить, что социальным факторам, влияющим на увеличение объема, плотности и хронологической глубины социальной памяти, противостоят факторы, ведущие к ее разрушению. Следует различать стихийные, нежелательные процессы дезорганизации социальной памяти – «общественную амнезию» – осознанные действия, направленные на «забывание» информации. К факторам, ведущим к дезорганизации социальной памяти, следует отнести (кроме естественного старения носителей информации) их уничтожение в результате стихийных бедствий, войн, падения уровня культуры, идеологической борьбы в классовом обществе. В истории человечества известны случаи общественной амнезии,

т.е. полного или частичного забвения культурно-исторического опыта, утраты навыков его воспроизведения.

Исследование феномена социальной памяти началось в XX в. Однако обращение к памяти как важной проблеме философского исследования можно найти у Платона, Аристотеля, А. Августина, Т. Гоббса, И. Канта, Г. В. Гегеля, К. Маркса, В. Дильтея, Э. Гуссерля, П. Рикера и др.

В исследовании социальной памяти с позиций социологического подхода определяющее значение имеют работы Э. Дюркгейма. Под влиянием его теоретических и методологических идей, как уже отмечалось, М. Хальбвакс в 1925 г. вводит в обращение термин «коллективная память». Продолжателями идей Э. Дюркгейма являлись также Л. Леви-Брюль, Н. Д. Кондратов. Связь социальной памяти с повседневностью анализировались в работах А. Шюца, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана, П. Бергера и Т. Лукмана. Ими исследовались вопросы существования памяти, механизмы передачи опыта в повседневной жизни, они же поднимали вопрос о памяти и процессах идентификации как между современниками, так и людьми из прошлых времен. Социологические теории наметили разносторонние направления в изучении развития социальных феноменов памяти, не забывая при этом об их практической значимости.

Несмотря на то, что феномен социальной памяти широко исследован в разных аспектах и с точки зрения различных подходов, в то же время остается не изученным ряд проблем. Феномен социальной памяти не изучен с позиции институционального подхода, репрезентирующего память в качестве структуры. Кроме того, в современной социологической и междисциплинарной литературе отсутствуют исследования социальной памяти как инструмента идеологического влияния, фактора конфликта поколений, коммуникативных технологий в конструировании гражданской идентичности, реставрации исторической памяти в условиях социокультурных кризисов и др.

Многоаспектный анализ социальной памяти позволяет говорить о ее сложной структуре, которая включает в себя феномены воспоминания, забывания (амнезия) и архетипа. Воспоминание рассматривается как запечатление в памяти состояний, образов, событий, которые, актуализируясь в настоящем, несут в себе идею сохранности знания. Общественная амнезия трактуется как утрата социально-значимого знания, в результате которого происходит изменение существующего бытия, утеря его первоначального смысла. Архетип – это структурные схемы, структурные предпосылки образов, существующих в сфере коллективного бессознательного и, возможно, генетически наследуемых. Архетипическая память представляет собой элемент социальной памяти, которая обладает способностью припоминать вещи, неведомые разуму и практическому знанию, которая существует и развивается в древних первобытных обществах до возникновения письменности как живая организация трансляции социального опыта.

Кроме того, в рамках социального исследования проблем социальной памяти целесообразно, на наш взгляд, выделять ее виды: историческая, этническая и культурная, а также уровни феномена – индивидуальный, групповой, коллективный.

В настоящее время в украинском обществе актуализируется всевозрастающая роль исторической памяти. Сегодня историческая память оказывается весьма существенной характеристикой образа жизни людей, во многом определяющей их намерения, поведение, опосредованно оказывающей весьма мощное влияние на их сознание, тем самым предопределяя характер и методы общественных проблем. Историческая память, как составляющая социальной памяти, глубоко избирательна. Для человека важна не столько общая история, сколько те ее «участки», области, которые актуальны для настоящего.

В известной работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» социальной реальностью называется та реальность, которая существует в человеческом представлении, определяемая как «объективная фактичность» [2, с. 102.]. Отсюда историческая память, историческое значение могут рассматриваться как результат социального конструирования, как процесс, происходящий в двух встречных направлениях. Во-первых, это процесс отбора из множества индивидуальных мнений, и тех, которые формально признаются в качестве «знания» и считаются реальными. Во-вторых, обратный процесс: знание о социальной реальности само по себе играет активную роль, оно конструирует саму эту реальность, включая ее прошлое, настоящее и будущее. В данной ситуации значима не оценка того или иного факта, явления, процесса в понятиях «истинное – ложное», а значимы механизмы, условия и факторы, обуславливающие процесс отбора из множества индивидуальных «мнений», тех, которые формально признаются в качестве «знания». На этот отбор влияют, особенно сегодня в Украине, конъюнктурные факторы: политические, культурологические, социальные.

Весьма важно, на наш взгляд, в рамках обозначенной проблемы рассмотреть связь исторической памяти с идеологией. История, несмотря на декларируемое стремление к объективности, во все времена была ангажированной и пристрастной. Сегодня историки Украины пишут разную историю в зависимости от своих идейных или социально-политических позиций. Историческая практика показывает, что ни одно политическое движение или идейно-политическое направление не обходилось без «своей» идеологизированной истории – марксистской, ревизионистской, националистической и т.д., – связанной с политическими задачами определённой социальной общности. Обращаясь к истории, представители политических и общественных движений выуживают из неё и ставят в центр «новой» истории свой героизированный коллективный персонаж и повествуют о его борьбе, угнетении, исторических заслугах и победах. Влияние идеологических построений на историю особенно сильно проявляется в переломные этапы. Свидетельством очередной волны

идеологизации исторического знания в Украине является попытка некоторых политиков, историков, общественных деятелей по-другому показать роль УПА в годы Великой Отечественной войны, вклад гетьмана Мазепы в борьбе за «независимость» Украины, обозначить по-своему причины голодомора 1932-1933 гг. и др. В этой связи важно не только то, что история с определённым образом расставленными акцентами формирует историческое сознание в украинском обществе, но и то, какое место формирование образа прошлого занимает в присутствующих идеологиях. Стремление «присвоить прошлое» характерно как для политиков, так и для социально ориентированных деятелей культуры и искусства, интерпретирующих социальные факты в своих произведениях.

В последнее время украинские историки для характеристики своей деятельности всё чаще стали использовать термин «историописание». Очевидно, что он требует более точного определения. Термин «историописание», на наш взгляд, «прозрачно» намекает на процесс конструирования исторических образов средствами языка. Историописание также может быть интегральным понятием, включающим и научные знания, и текстов вне-, до- и ненаучного характера, влияющих на генеральные исторические представления разных форм общественного сознания. Мало того, ряд авторов (П. Берк, И. Рюзен, Л. Репина и др.) утверждают, что историю как продукт профессионального историописания можно считать частью или видом исторической памяти, поскольку и сами историки причастны к «новому мифостроительству», будучи вовлечёнными в современную им культуру.

При таком положении репрезентация истории – это всегда репрезентация власти, поскольку история является инструментом легитимации и механизмом по производству идентичности. А это, в свою очередь, создаёт условия для реставрации исторической памяти прошлого и применения её в качестве инструмента для восстановления новой идеологии.

Мифологический подход к истории основан на представлении о постоянном возвращении одного и того же в рамках исторических одеяний. Как показал опыт последних двадцати лет, ставка на националистический миф в политике Украины не оправдала себя в силу того, что он существенно искажает реальную историю, не отвечает современным политико-экономическим реалиям, несёт в себе много негативной агрессии, блокирует перспективы развития, изумляет злопамятством и, главное, не объединяет, а разъединяет находящуюся в процессе становления полиэтническую украинскую нацию [3]. Политика памяти, проводившаяся в годы правления В. Ющенко подтвердила это. Героизация Бандеры и Мазепы, оправдание коллаборационизма и этнического фашизма ОУН-УПА, история вокруг голодомора, создание Института национальной памяти для подсчёта исторических обид и требований их компенсации в валюте, попытка пересмотра истории Второй мировой войны, поставив Советский Союз на одну доску с фашистской Германией, были обусловлены политикой режима, искавшего в истории своё зеркальное отражение [4]. Стремление не

политизировать историю, оставить её учёным является утопическим, поскольку и среди самих историков произошло разделение по политическому и нравственному основанию.

Одним из видов социального влияния, как уже отмечалось, является манипуляция сознанием. Массовое сознание является объектом для манипулирования, так как именно в нём запечатлены различные представления, ценности, нормы и образцы поведения. Под манипуляцией понимают целенаправленное и скрытое влияние на сознание. Манипуляцию можно определить также как набор способов скрытого управления, обработки, психологического воздействия на человека или общность различного уровня.

К основным методам манипуляции сознанием населения следует отнести: размывание и подмену понятий; подмену имени и предмета; упрощение важной информации; сокрытие намерений; манипуляцию числами и мерой; изъятие из контекста реальной проблемы; дробление целостной проблемы на отдельные фрагменты и др. Суть такой политики выражена в тезисе: важно не то, что было на самом деле, а важно то, что мы думаем о том, «что было на самом деле». Манипулируя историей, конструируя память путём отбора определённых исторических событий и фактов, пытаются управлять сегодня отдельные украинские политики. Из СМИ вытесняются научные понятия и категории, реальные факты, отражающие социальную картину общества, её структуру, жизненный мир людей. Взамен предлагается принципиально другая картина социума, состоящая из иных социальных фрагментов: территориальных, этнических, поколенческих, националистических. В условиях информационного господства такой политики достаточно несколько лет для того, чтобы из социальной памяти общества вытереть неудобные сведения и сформировать новую систему ценностей и духовных интересов. Как показывает практика последних лет, тезис «кто владеет прошлым, тот владеет настоящим» постоянно присутствует в системе управления либеральных и полулиберальных представлений власти.

Одним из примеров, показывающим механизм социального влияния в обществе, являются политические социальные сети. Не многим известно о существовании такого тематического направления в социальных сетях. Политические социальные сети были открыты в США, России, Австралии, а также в Украине с целью предоставления открытого и прозрачного доступа к политическим событиям для своих граждан. Политическая социальная сеть Украины очень помогла в предвыборных избирательных гонках президенту и парламенту. Сегодня в ходе политической борьбы политики используют уже известные всему миру раскрученные, популярные, высоко посещаемые социальные сети. Достаточно распространёнными целями посещения социальных сетей являются не столько поиск новых друзей, обмен информацией на профессиональные темы, сколько призывы к актам протеста, участие в митингах и демонстрациях, сооружению баррикад,

захвату административных учреждений, а то и просто к организованному столкновению с милицией.

Социальная память, обладая функциональными и структурно-содержательными особенностями, включает в себя не только процессы воспоминания, но и забывания, а природа и траектория рецепции прошлого в современных социокультурных практиках, составляя суть социальной амнезии, отличаются деформированным характером. Феномен амнезии онтологически вписан в социальную реальность и наиболее отчётливо проявляется в периоды социокультурных кризисов. Социальную амнезию можно определить как социокультурное явление и как процесс, выражающийся в экспансии социального беспамятства, частичной утрате памяти о значимом прошлом в обществе, в размывании чувства самоценности истории и наличии искаженного опыта прошлого, в стремлении элиты созидать что-то новое без опоры на знание о прошлом.

Особую проблему образует тот компонент социальной памяти, который связан с осмыслением прошлого. В этой связи исследователи фиксируют синдром т.н. «запаздывающей памяти», состоящий в том, что крупные исторические события, иногда травмирующие историческое сознание, подвергаются относительному забыванию или вытеснению. Так, Советский Союз воспринимается сегодня как нечто нехорошее, устаревшее, давно умершее. И в этом «заслуга» организованного, целенаправленного информационного обеспечения манипулирования общественным сознанием. С начала 90-х годов советское прошлое подвергалось жесткой критике со всех сторон. Его клеймили позором экономисты, политики, историки, ученые, общественные и религиозные деятели. В большинстве средств массовой информации слово давали именно тем, кто всячески охаивал советский строй. Эта кампания по травле прошлого продолжается до сих пор. Для любого внимательного телезрителя очевидно, что плюнуть в советскую историю является для большинства тех, кто присутствует на телеэкране, признаком хорошего тона. Ломка стереотипов сознания, перестройка мировоззрения захлестнула в первую очередь молодёжь. В её сознание глубоко вошли основные антисоветские постулаты. Новое поколение стали воспитывать на иных ценностях, идеалах, образах, нежели тех, которые хранили их отцы и деды. В результате традиционный конфликт отцов и дедов в украинском обществе перешел все нормальные границы, образовалась пропасть во взаимоотношении поколений. Организованное, целенаправленное умолчание достижений советского общества как многомиллионной социальной организации сформировало общественный склероз. Он проявляется как феномен массового забывания, как способ вытеснения общественного сознания памяти о том, что было в обществе ещё несколько лет назад.

Между тем в Советском Союзе к 70-80 годам XX ст. возникло уникальное для всей человеческой истории общество, показавшее народам мира реальную альтернативу капиталистическому развитию, в котором голод, нищета, безработица, бездомные, беспризорные практически

отсутствовали. К минимуму была сведена преступность, наркомания, межнациональные конфликты. Советский Союз как социальная организация стал общим домом для всех народов – никто не выяснял тогда, чья тут земля – армянская или азербайджанская, русская или чеченская, украинская или татарская – земля была общей для всех. Постоянная забота о детях и семье не была пустым звуком. Основные материальные блага воспринимались как естественные: бесплатное получение жилья, детские сады, общеобразовательные школы, система высшего образования, социальная защита пенсионеров и многое другое.

Наряду с этим в СССР имели место и реальные проблемы. Был бюрократизм и карьеризм некоторых коммунистов (впоследствии они оказались «демократами»), присутствовал недостаток свободы, была и определённая бедность, развитие мещанского мировоспитания и т.д. Проблемы были, но была и возможность их решать мирно, постепенно, без перераспределения общенародной собственности, ломки коренных ценностей и устоев общества. В результате т.н. «преобразований» у людей отобрали их личные достижения, успехи в труде, спорте, искусстве, освоении космоса, героические подвиги в войне с гитлеровской Германией и освобождении многих народов из фашистского плена. Благодаря подобным манипуляциям, социальной атомизации и идентификационному размыванию больших социальных групп социума привело к снижению роли и значения для общества такого феномена, как коллективного опыта жизнедеятельности. В целом же социальная амнезия привела к дезорганизации социальной памяти как символической реконструкции прошлого в настоящем и совокупности социокультурных практик, осуществляющих отбор и преобразования социальной информации в значимое знание о прошлом в целях сохранения и трансляции культурного опыта.

Кроме того, сегодня в Украине имеет место процесс конструирования «новой» исторической памяти. Так, анализ элементарных версий статей новостного портала «Украина сегодня», освещающего актуальные события политической, общественной и культурной жизни страны, показывает, что в Украине с начала 90-х гг. идёт процесс резкой радикализации исторического знания, цель которого идеологическое обоснование этнозащитного механизма, как основы, на которой строится современная украинская государственность [5]. Все события прошлой украинской истории рассматриваются с позиции борьбы за государственность. В этом же контексте провозглашение независимости Украины в 1991 году трактуется как главное достижение, к которому украинский народ шёл почти тысячу лет. При этом особая специфика этих материалов – отвержение от российской истории и её тотальное отрицание.

Обобщения, выводы. В заключение следует отметить, что актуальность изучения предложенной темы обусловлена необходимостью анализа процесса конструирования социальной памяти в целом, с учётом её конфронтующего характера у населения Украины, учитывая при этом, что особенности конструирования социальной памяти влияют на процесс

формирования общественной идентичности. Социальная память позволяет обществу осознавать своё место в истории человечества, обосновывать значимость собственной культуры и соотносить её с подлинными ценностями других культур. Хранение и развитие социальных образов и смыслов – первоочередная задача социума. Деструктивное наступление на социальную память, начавшееся в конце 80-х годов, сегодня приобрело радикальный характер и ведётся, прежде всего, не с научной, а с идеологических позиций.

Политика памяти нынешних общественных лидеров порой беспринципна и вызывает у людей недоумение и даже возмущение. В такой ситуации, когда одна часть населения Украины навязывает другой противоположное видение, просматривается попытка преодолеть социокультурный раскол путём перегрузки новым поколением украинских граждан искусственно сконструированной исторической памяти, в которой заложена тенденция на беспамятство и предательство своих дедов и отцов. Известно, что сокращение, упрощение и уничтожение социальной памяти приводит к упадку или, что ещё хуже, к исчезновению того или иного народа, нации и целых государств. Важно понимать, что общество, потерявшее социальную память, перестаёт ощущать себя субъектом истории, так же как отдельный человек, потерявший память, теряет свою личность, собственное «Я». Не поэтому ли, согласно Всеукраинскому опросу, проведённому социологической группой «Рейтинг» в апреле 2013 года, только 48% опрошенных выбрали Украину как страну, где они хотели бы родиться [6]. Остальные назвали Россию, Германию, США, Великобританию и даже СССР. В целом обращение к проблематике социальной памяти и социального беспамятства в современном украинском обществе диктуется соображениями, связанными с особенностями их проявления в социальной реальности и необходимостью концептуальной разработки в социологическом знании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный ресурс. – 2005. – № 2-3. – С. 22-26.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Гребенник Г. П. История и мародёрство / Г. П. Гребенник // Интеллигенция и политика: сб. ст. и выступлений. – Одесса: Феникс. – 2009. – С. 53-75.
4. Гребенник Г. П. «Политика памяти» режима В.Ющенко; Слово о Мазепе и мазепинщине; Образы Второй мировой войны в современной идеологической борьбе в Украине / Г. П. Гребенник // Миф и политика: сб. ст. и выступлений. – Одесса: Феникс, 2011. – С.62-78; 79-96; 108-130.
5. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.ua-today.com/>.

6. «Народный топ». Країна, де хотілось би народитися [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14057/>.